

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ?

Можно ли воспитать, развить в человеке патриотические чувства? И нужно ли? В последние годы эти вопросы не воспринимаются как риторические; они стали предметом самых горячих дискуссий. Несколько десятилетий в школьной практике использовался термин «военно-патриотическое воспитание». Потом он канул вместе с системой коммунистического воспитания. Переломным стал, пожалуй, 1995 год, год пятидесятилетия Победы, когда в Москве был торжественно открыт комплекс на Поклонной горе и после тяжёлых споров величайший подвиг народа снова был водружён на пьедестал. Прошло ещё пять лет — и мы вновь во весь голос заговорили о школьном патриотическом воспитании. Потребовалось очередное пятилетие «на раздумья» — и теперь, в канун 60-летия Победы, пришла пора опять вспомнить о патриотическом воспитании.

К сожалению, само понятие «патриотизм» (как и «демократия») после событий 1989–1993 годов стало разменной монетой в политической борьбе, отчего и впитало в себя «ароматы» популизма, демагогических спекуляций, уличного радикализма... Распря «демократов» и «патриотов» сопровождала распад государства, деградацию нашей образовательной системы. Говоря о патриотизме, нам необходимо отрешиться от таких ассоциаций. Чьё-либо личное банкротство не может скомпрометировать высокое чувство, которое стоит у истоков любой культуры с догмеровских времён. В концепции патриотического воспитания граждан РФ, предложенной Федеральным агентством по образованию, сказано: «Патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности её к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм как социальное явление — цементирующая основа существования и развития любых наций и государственности».

В патриотизме гармонично сочетаются лучшие национальные традиции народа с преданностью к служению Отечеству. Патриотизм неразрывно связан с интернационализмом, чужд национализму, сепаратизму и космополитизму.

Патриотизм — это особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями которых являются любовь и служение Отечеству, обеспечение целостности и суверенитета России, её национальная безопасность, устойчивое развитие, долг и ответственность, пред-

Не могу согласиться с постановкой вопроса о непатриотичном, двойственном и, несомненно, патриотичном в нашей истории и культуре. На мой взгляд, двойственность — это не о А.Д. Сахарове, не о С.П. Королёве. О них — *трагедия целостности*. Именно эта трагедия всегда, начиная с античности, была сущностью героя. Ахиллес знал, что ему суждено погибнуть, но не пытался ни избежать смерти, ни предотвратить её, ни договориться с богами и троянцами, а продолжал выполнять свой долг воина. Только в наше время появился иной смысл героизма, когда, по словам М.К. Мамардашвили, «мы требуем от других совершения того, на что сами, как правило, не способны. Уже сам факт подобного требования невеликодушен, а героем может быть только великодушный».

Говоря о двойственности А.Д. Сахарова или С.П. Королёва, мы невеликодушно, задним числом требуем от них не участвовать во зле. Но ведь проблема не в том, чтобы избежать зла (избегающий зла уходит с поля битвы его с добром и, в конце концов, «тонет в фарисействе»), а в том, чтобы его *преодолеть*. И нашим героям это удалось, потому-то мы по ним и сверяемся. Их жизнь свидетельствует: целостность обретается не ценой выбора (и значит, снятия) одной из сторон, а мукой удержания их вместе. Вот это хорошо бы понять и почувствовать нашим воспитанникам. А делая акцент на двойственности, мы порождаем в сознании ребят миф, что можно всегда выбирать что-то одно (например, избегать зла) и обретёшь целостность. Нет.

В рассуждениях моего оппонента звучит вопрос: гордиться ли чем-то, зная, что оно двойственно? Предполагается, что этот выбор ставит перед школьниками и педагог. Но действительно ли ребята знают, что выбирают, осознают ли они достаточно полно, что стоит за каждой стороной двойственности? Чувствуют ли они тот надрыв, который сопровождает не умоглядные, а жизненные альтернативы? Как правило, нет. Но чтобы выбирать по-настоящему, а не с решительностью варвара пробрасываясь альтернативами, надо сострадать, сопереживать, мучиться выбором. Учитель, идя на дискуссию, должен об этом много думать, сосредоточиваться на том, как информатизировать и проблематизировать выбор школьников.

Есть самоопределение как определение себя, границ своего Я по отношению к тому целому, частью которого ты являешься. И есть самоопределение как замыкание в себе и на себя, как отказ от своей частности по отношению к целому и утверждение своей единственности. Педагог, строящий диалог вокруг двойственности, а не в контексте трагизма целостности, рискует утвердить своих подопечных в мысли, что каждый из них в отдельности и есть мера всех вещей. Но для современного постхристианского человека, оценивающего, а не чтящего, имеющего вместо святых ценностей, этот путь может стать путём от гордости к гордыне. Именно об этом предупреждал упоминавшийся мною Г.К. Честертон: «Гордый приме-

ряет всё на свете к себе, а не к истине. Вы не горды, если вы хотите что-то хорошо сделать или даже хорошо выглядеть с общепринятой точки зрения. Гордый считает плохим всё, что ему не по вкусу. В наше время развелось немало и конкретных, и абстрактных мерок; но молодые люди (и даже молодые женщины) всё чаще и чаще считают меркой себя, просто потому что не нашлось мало-мальски достойного веры эталона. Однако «я сам» — очень мелкая мера и в высшей степени случайная. Так возникает типичная для нашего времени мелочность, особенно свойственная тем, кто кичится широтой взглядов. Скептик думает, что он широк для прежних, казалось бы, крупных мерок, и, в конце концов, сковывает себя тиранией микроскопических эталонов»⁵.

Не завидую решимости считать «вычеркнутыми, непатриотичными... целые пласты истории, техники, производства и героических деяний (Октябрьская революция, баллистические ракеты Королёва, флот Петра I, песня «Интернационал»)». Решимость отрицания, свойственная патриотизму гордости, всё-таки заметно слабее решимости стояния перед лицом мира, присущей патриотизму великодушия. А какое в примерах, приведённых автором «Реалистического воспитания», поле для диалога и самоопределения! Для меня в Октябрьской революции есть не только русский бунт, заклеимённый Пушкиным, но и сознательный порыв тысяч светлых людей к более справедливому и свободному обществу. Среди крестьян — строителей российского флота я вижу лица не только несчастных жертв, но и мучеников за священное дело обороны земли своей от врагов, подвижников государственного строительства. А за «Интернационалом» — как безликие массы сталинских партийных съездов, так и деда, которого живым не видел, но который вступил в коммунистическую партию в окопах Сталинграда и, значит, пел эту песню в самые суровые часы своей жизни. И как человек, и как учитель буду снова и снова возвращаться к этому...

Если патриотизм ни от чего в истории и культуре своей страны не отстраняется и не видит двойственности там, где есть трагедия целостности, то разговор о «несомненно патриотичном» оказывается излишне претенциозным. Когда вместе стоят А.С. Пушкин и А.Д. Сахаров, Д.Д. Шостакович и С.П. Королёв, то решать, кто в каком ряду, — занятие неблагодарное и ненужное.

Впрочем, если кто-то без несомненного обойтись не может, пусть выделяет, главное, чтобы несомненное не стало окаменевшим. В год празднования 200-летия нашего национального гения один из старшеклассников, раздосадованный, очевидно, официозом, пропагандистскими штампами и учительским морализаторством вокруг этого события, с вызовом спросил меня: «Вы, правда, считаете, что Пушкин — наше всё?!» Я ответил, что действительно так считаю, потому что принадлежат эти

⁵ Честертон Г.К. Указ. соч. С. 485.

полагающие приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями и выступающие как высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоёв общества».

Правильные, взвешенные слова. Без радикализма и спекуляций. Как хотелось бы, чтобы они стали эффективным, живым подспорьем и для педагогов, и для родителей. Но практика в этом случае обманчивее и своевольнее теории.

О патриотизме снова спорят, взвешивая все «за» и «против». В разных кругах стало престижным быть патриотом и антипатриотом... В русской традиции с давних пор истинный патриотизм отличали от ложного. И сегодня актуальны слова П.А. Вяземского, опубликованные ещё в 1827 году: «Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что своё. Тюрго называл это лакейским патриотизмом, *du patriotisme d'antichambre*. У нас можно бы его назвать квасным патриотизмом. Я полагаю, что любовь к Отечеству должна быть слепа в пожертвовании ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, какому народу ни принадлежал бы он, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна». Подобные борения происходили в творчестве Чаадаева и Герцена, Лермонтова и Тютчева, Достоевского и Горького... Но целую эпоху в развитии отечественного отношения к патриотизму составило творческое наследие Л.Н. Толстого. В «Севастопольских рассказах» и романе «Война и мир» писатель дал нам образцы патриотической героики. В позднейших трактатах и эссе Лев Николаевич выступил с проповедями общечеловеческих ценностей, радикально противостоящих патриотизму, государственничеству. Патриотическая идеология стояла на богоискательском пути писателя, мешала, отвлекала от более насущных для него духовных тем. Но Андрей Болконский и капитан Тушин спорят со своим создателем — и с этим уже ничего нельзя поделаться...

В книге Толстого «Пути жизни» есть глава «Суеверие государства», в которой, пожалуй, раскрывается идеологическая подоплёка толстовского спора с патриотизмом. Великий максималист, Толстой видит в патриотизме этическую проблему, грех личного и коллективного тщеславия, грех эгоизма. Современным публицистам не стоит спекулировать на точке зрения Толстого: вряд ли кто-либо из них осилит атлантову ношу толстовской нравственности. Ведь вместе с патриотизмом придётся отказаться

ся и от частной собственности, и от плотских утех. То уравнение, которое предлагают современные антипатриоты (частная собственность плюс сексуальная революция минус патриотизм) по сути своей куда сильнее противоречит концепции Л.Н. Толстого, чем доктрины Победоносцева или И.В. Сталина... Толстой пишет: «Лжеучение государства состоит в признании себя соединённым с одними людьми одного народа, одного государства и отделённым от остальных людей других народов, других государств. Люди мучают, убивают, грабят друг друга и самих себя из-за этого ужасного лжеучения. Освобождается же от него человек только тогда, когда признаёт в себе духовное начало жизни, одно и то же во всех людях. Признавая это начало, человек уже не может не верить в те человеческие учреждения, которые разъединяют то, что соединено Богом». Чтобы принять эту максиму Толстого, необходим некий гражданский аналог монашеского пострига, не иначе.

Критики патриотизма, неистовые ниспровергатели нередко вспоминают афоризм Сэмюэля Джонсона (1709–1784): «Патриотизм — это последнее прибежище негодяя». Они не утруждают себя анализом идеи английского мыслителя. Patriotism is the last refuge of a scoundrel — таков оригинал фразы Джонсона. Пожалуй, более точный русский перевод должен звучать: «Патриотизм — последнее оправдание негодяя». За высокую идею, как за соломинку, хватается разоблачённый преступник, оправдывая свои деяния. Разве от этого блекнет идея? Не исключено, что Джонсон имел в виду и то, что нужно давать негодяю шанс исправиться. И началом такого пути может быть и патриотизм, и любовь к матери, и вера в Бога — всё чистое, незамутнённое духом наживы. И уж никак нельзя считать этот афоризм разоблачением патриотизма. С. Джонсон, в отличие от Л.Н. Толстого, не входит в когорту великих космополитов.

Трудно переоценить значение патриотической героики не только в воспитании человека, но и в воспитании народа, в становлении и развитии культуры. Не перегнуть бы палку — в потоке казённости, на все лады перепевая патриотические лозунги, можно омертвить высокую идею. Но образ Великой Отечественной настолько высок и правдив, что он, как путеводная звезда, даст нам верное направление. И не случайно предыдущий специальный выпуск «Народного образования» был посвящён А.С. Пушкину. Пушкин и Победа — это именно те ориентиры, которые помогают нам быть искренними, а не конъюнктурными патриотами Отечества.

Арсений Замостьянов

слова моему великому однофамильцу поэту Аполлону Григорьеву (тут юноша улыбнулся) и потому что для меня, как и для многих других, Пушкин — больше чем великий поэт, он — вечный повод самоопределения русского человека, русского интеллигента. Сколько из него ни пытались сделать революционера, демократа, либерала или, напротив, охранителя, государственника, почвенника, феномен Пушкина всякий раз оказывался и вне какой-либо однозначности, и вне двойственности. Современное пушкиноведение (Л.М. Аринштейн, В.С. Непомнящий, И.Ю. Юрьева) отмечает удивительную способность поэта удерживать вместе вещи на первый взгляд трудно совместимые — свободу и империю, государственную целесообразность и общественный интерес, серьёзность мысли и лёгкость слова. Пушкин явился, может быть, первым и последним русским «свободным консерватором» (П.А. Вяземский), который счастливо объединял в себе Сциллу и Харибду нашей истории. А после него не смогли, после него попадали в плен свободы выбора. После него более упражнялись в разъятии, чем в объединении. И сегодня эта задача — соединить свободу и порядок, построить гражданское общество в согласии с государством и национальными традициями — остаётся нерешённой. И сегодня Пушкин — и пример, и укор.

В заключение отмечу: полностью согласен со своим названным оппонентом в том, что в патриотическом воспитании должно быть больше обсуждений, споров, диспутов, дискуссий. Все предшествовавшие рассуждения имели целью показать, что диалоговые формы по-настоящему действенны тогда, когда содержательно ориентированы не на воспитание гордости за позитивное, а на воспитание великодушия ко всему, что совершалось и совершается во времени нашей истории и пространстве её культуры.

Это особенно важно в преддверии юбилея Победы. Чтобы, организовав дискуссию «Цена и уроки Великой Победы», не превратить её в бухгалтерский семинар и обличение, например, Г.К. Жукова, жертвовавшего батальонами во имя спасения дивизий. Чтобы в обсуждении многосерийного фильма «Штрафбат», честно затрагивающего многие непростые проблемы Великой Отечественной войны, не сформировать у школьников представления о том, что на фронте воевали только обречённые на смерть штрафники, подгоняемые заградительными отрядами. Чтобы знали, что сотрудники НКВД не только были членами этих отрядов, но и организовывали партизанское сопротивление, выявляли немецких шпионов и диверсантов в армейских тылах. Чтобы, наконец, дать ребятам почувствовать, что Победа — это «радость со слезами на глазах».

Допускаю, что после прочтения этой статьи кто-то из читателей придёт к выводу: между моей и противоположной позициями нет существенной разницы, не совпадают только оттенки. Что ж, возможно. Правда, бывает, что оттенки всего важнее. **НО**